

Высокая полная луна сияла в ночном небе, разливая призрачный свет и отчетливо рисуя силуэты спящей деревни. В маленьком дворике царила тишина. Под темным сводом крыши в одном из окон вдруг робко дрогнул и разгорелся огонек свечи.

Засветив светильник в кабинете, Е Цзюньшу обернулся к Сяо Шаню, который по привычке стоял, понурился головой.

— Сяо Шань, давай присядем и поговорим, — мягко позвал он.

Цзюньшу дождался, пока уснут близнецы. Время было еще не слишком позднее, и, видя, что средний брат тоже не спит, он решил, что лучшего момента для откровенного разговора не найти. Днем вечно не хватало времени, а ночью их никто не потревожит.

Сяо Шань попытался взбодриться:

— Да... О чем ты хотел поговорить, брат?

— В последнее время ты совсем перестал слушать на уроках, учеба идет со скрипом, да и сам ты ходишь как во сне. Расскажи мне, что тебя гложет?

Сяо Шань долго молчал, теребя край одежды и не поднимая глаз.

Наконец он глухо выдавил:

— Брат... я больше не хочу учиться.

Е Цзюньшу не вскипел и не возмутился. Он сохранил всё тот же ровный, теплый тон:

— А можешь объяснить, почему ты так решил?

— Пятому и Шестому нужен глаз да глаз, — прерывисто заговорил мальчик. — Я должен за ними смотреть...

«Так я и думал», — с грустью отметил про себя Цзюньшу. Травма Пятого стала для ребенка настоящим кошмаром.

— Но ведь днем нам помогают соседи, тебе не обязательно следить за ними каждую минуту. Ты вполне можешь продолжать учебу.

— А если они отвлекутся? Если Пятый или Шестой снова упадут и расшибутся? Чем больше глаз, тем безопаснее! — горячо воскликнул Сяо Шань.

— Сяо Шань... — Цзюньшу перестал улыбаться и стал серьезным. — Почему ты так думаешь? В твои годы нужно учиться грамоте. Заботиться о близнецах — это не твоя обязанность. Это моя ответственность как старшего брата. И ты — тоже моя ответственность.

— Но я ведь второй брат! Я тоже должен помогать тебе! Я хотел разделить твою ношу, а сам даже за младшим не уследил, позволил ему пораниться... — голос Сяо Шаня задрожал, и из глаз градом покатались слезы. — Брат, прости меня... Я не заслуживаю учебы...

Из сбивчивых объяснений Цзюньшу понял, в чем дело: Сяо Шань решил, что пока близнецы спят, он успеет попрактиковаться в письме. Он так увлекся каллиграфией, что не заметил, как Пятый проснулся, дополз до края и сорвался вниз.

Разве мог Цзюньшу винить его? В глубине души он винил только себя. Сяо Шань сам еще ребенок, как он мог в одиночку управиться с двумя годовалыми сорванцами? В этом возрасте дети — настоящие исследователи, они ползают повсюду. Это он, старший, проявил халатность.

— Брат каждый день так надрывается, а я даже с такой малостью не справился. Я никчемный...
— Сяо Шань совсем пал духом.

После смерти родителей вся тяжесть мира легла на плечи Цзюньшу. Старшему брату пришлось бросить учебу, ломать голову над тем, как всех прокормить... Помимо школы, он готовит, стирает, поливает огород, убирает дом, кормит малышей и высаживает их на горшок... А он, Сяо Шань, не смог сделать даже самого простого.

— Кто тебе такое сказал? Ты справляешься великолепно, — искренне произнес Е Цзюньшу. — Посмотри на своих сверстников: они только и знают, что гонять гусей да играть в пыли. А ты уже помогаешь мне по дому и нянчишь младших. Ты молодец, Сяо Шань. Это я виноват. Близнецам сейчас нужно постоянное внимание, а я появлялся только тогда, когда это было крайне необходимо...

— Посмотри на семью дяди Дали — Мин-аму говорил, что там за одним ребенком вдвоем присматривают. Я совершил ошибку, взвалив Пятого и Шестого целиком на тебя. Сяо Шань, ты сможешь простить меня?

Лицо Сяо Шаня залилось краской:

— Нет, брат, что ты! Ты так занят, так устаешь... Я просто хотел помочь!

— Я ценю это. Но как бы я ни был занят, я не должен был забывать о них. Это моя вина. Ты прощаешь меня? — снова спросил Цзюньшу.

Встретившись с полным искреннего раскаяния взглядом брата, Сяо Шань шмыгнул носом и, потирая покрасневшие глаза, ответил:

— Прощаю... Пятый и Шестой тоже не обижаются, я знаю...

— Тогда, Сяо Шань, договоримся: с этого момента мы будем заботиться о них вместе?

Мальчик выпрямил спину и звонко отозвался:

— Я согласен!

...Наконец успокоив брата и уложив его спать, Е Цзюньшу почувствовал невероятную усталость. Он лежал на кровати, глядя в потолок, и сон не шел к нему.

Слова, сказанные Сяо Шаню, не были просто утешением. Он действительно осознал, что уделял малышам слишком мало времени. Раз Сяо Шань поначалу хорошо справлялся, он воспринял это как должное, напрочь забыв, что брату всего восемь лет и он сам еще нуждается в опеке. Это было неправильно. Двое активных младенцев — непосильная ноша для ребенка, порой и взрослые-то с ног валяются...

Он превратил заботу о детях в тяжелую работу и переложил её на плечи другого ребенка. И дело было не только в близнецах и гэрах. Сяо Шань тоже нуждался в его внимании, в его тепле. Нельзя выделять кого-то одного, забывая об остальных.

Е Цзюньшу долго занимался самобичеванием. Он не заметил, какой непосильный груз ответственности придавил его младшего брата... Он тяжело вздохнул. Казалось, ноша на его собственных плечах стала еще весомее.

Его долг — не просто набить их животы едой. Он должен беречь их душевный покой, дарить им тепло и создавать условия, в которых они могли бы расти счастливыми, а не преждевременно повзрослевшими от забот.

Теперь он был и за отца, и за аму, и за старшего брата в одном лице... Растить детей — задача не из легких. И почему у него нет трех голов и шести рук? Ну, или хотя бы способности раздваиваться...

Как бы там ни было, с того дня Е Цзюньшу стал сознательно уделять больше внимания двум самым младшим. Он зорко следил за настроением и развитием каждого из братьев и старался не оставлять Сяо Шаня наедине с близнецами слишком часто. Он то и дело привязывал одного из малышей за спину, занимаясь делами, и доверял их Сяо Шаню с Лу-гэром только тогда, когда это было действительно необходимо.

Шишка на лбу Пятого после нескольких дней притирок «красным маслом» сошла, сменившись заметным синяком на нежной белой коже, но, к счастью, вскоре и он побледнел.

Когда Е Цзюньшу открыл дверь, в лицо ему ударил морозный воздух, пробирая до самых костей. Он вздрогнул, поспешно захлопнул дверь и, растирая руки и согревая их дыханием, зашагал на кухню.

Сегодня наступил сезон Шуанцзян — «Выпадение инея». Земля и крыши были укрыты плотным слоем белой искристой изморози, куда более густой, чем в прошлые дни. Температура упала сразу на несколько градусов — пришло время доставать стеганные ватные куртки. Зима была на пороге. По опыту прошлых лет, не пройдет и месяца, как повалит снег.

С приходом холодов в классе стало зябко. Дети сидели, поджав озябшие ноги, руки у всех были ледяные, и согреться никак не получалось. Староста еще пару дней назад выделил из общих запасов полмешка древесного угля. Разожгли жаровни, и это хоть немного помогло. У малышей иммунитет слабый, и, опасаясь, как бы они не разболелись, Е Цзюньшу прикинул, что скоро уроки придется прекратить.

Ледяная колодезная вода обжигала десны, стоило взять её в рот. Цзюньшу похлопал себя по щекам и нырнул в кухню. Чем ближе к зиме, тем короче становились дни и длиннее ночи. Раньше, когда он вставал в это время, было уже совсем светло, а теперь небо едва брезжило серым рассветом.

Сегодня он поднялся пораньше специально, чтобы прочистить дымоходы — нужно было разворошить забившиеся ходы. Чтобы зря не жечь дрова, Е Цзюньшу подготовил только тот кан, что стоял в его комнате. Дети плохо переносят холод, и, видя, что мороз крепчает без надежды на тепло, Цзюньшу решил сегодня же начать топить.

Вечером Лу-гэру и Цинь-гэру придется перебраться к нему. Топить две комнаты — дело расточительное, да и оставлять малышей одних в такую погоду ему было беспокойно. В конце концов, кровать у него широкая, места братьям хватит с лихвой. Разделятся потом, когда подрастут, а пока они совсем крохи.

Проверив тягу, Е Цзюньшу быстро согрел огромный котел воды для умывания. На завтрак он сварил густую рисовую кашу и приготовил пять яиц вкрутую. Дым из печи шел исправно, не

валил обратно в дом, а тепло послушно уходило в каналы кака. Цзюньшу потрогал стенку — прогревается ровно, значит, звать мастера для починки не придется.

Прожив здесь какое-то время, Цзюньшу научился определять час по небу. Сейчас он мог прикинуть время, просто взглянув на свет за окном. До начала уроков еще оставалось немного, но пока умоешь и накормишь всю ораву, время как раз и выйдет.

В кухню, потирая глаза, вошел Сяо Шань:

— Брат, ты уже затопил кан?

— Угу, — отозвался Цзюньшу. — Горячая вода здесь.

Сяо Шань зачерпнул ковшик и вышел во двор умываться.

Е Цзюньшу поставил две миски каши на край плиты, положил туда вареное яйцо, сам быстро перекусил и, дав Сяо Шаню пару поручений, поспешил в комнату. В эти дни близнецы засыпали рано, и он боялся, что они проснутся раньше времени и останутся без присмотра.

Несмотря на холода, большинство детей приходили вовремя. Пропадали только те, кого дома слишком баловали — например, младший сын второго дяди Ху: стоило чуть подморозить, и след его простыл. В начале обучения было тридцать три ученика, потом добавилось еще семь или восемь. Сегодня несколько младших не пришли, но в целом в классе всё еще сидело три десятка человек.

Сидеть неподвижно и слушать объяснения в такую стужу было невыносимо. Класс был слишком просторным, и две жаровни не справлялись. К тому же семьи у многих были бедные, и одежда ребят почти не грела. Цзюньшу заметил, что у многих учеников губы посинели от холода, а пальцы покраснели. Проведя утренние занятия, он отменил дневные уроки и просто затеял с ними подвижные игры — в беготне согреться куда проще, чем на жестких лавках.

<http://bllate.org/book/15226/1347341>